

Омар Хайям – поэт и философ

Омар Хайям по праву занимает ключевое место среди наиболее известных, читаемых и цитируемых поэтов Востока. Его творчество проникнуто духом бунтарства, воспеванием радости бытия и размышлениями о смысле человеческой жизни. Оно притягивает читателей удивительной современностью и вневременностью поднимаемых тем. При этом сам автор до сих пор во многом остается для исследователей загадкой — биографические данные о нем скудны, а творчество касается порой столь острых вопросов, что интерпретации их оказываются прямо противоположными. Валентин Жуковский, первый отечественный исследователь творчества поэта, в работе «Омар Хайям и странствующие четверостишия» 1897 г. очень точно определяет этот конфликт: «Он вольнодумец, разрушитель веры; он безбожник и материалист; он насмешник над мистицизмом и атеист; он правоверующий мусульманин, точный философ, острый наблюдатель, ученый; он — гуляка, развратник, ханжа и лицемер».

Омар Хайям (полное имя Гийяс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям) родился в 1048 или чуть ранее в Нишапуре, где провел годы обучения и юности. Семья его, судя по всему, была достаточно состоятельной, чтобы позволить сыну долгий период совершенствования в науках. Будущий ученый освоил широкий комплекс дисциплин, от математики и астрономии до филологии

и медицины. Нишапур XI в. — богатейший город Средней Азии, знаменитый своими ремесленниками и культурой. Хайяму, однако, не сразу удалось найти применение полученным научным знаниям, хотя уже в 25 лет он прославился, закончив первый труд — «Трактат о доказательствах проблем алгебры и ал-мукаблы».

Спустя некоторое время скитаний молодой ученый получил службу при дворе бухарского принца Хакана Шамс ал-Мулка (1068–1079), а в 1074 г. был, наконец, приглашен ко двору могущественного султана Маликшаха (1072–1092) в столицу государства Сельджукидов Исфакан. Прославленный город, важный пункт караванной торговли, в то время он был пристанищем ученых благодаря мудрой политике великого визиря и советника султана Низам ал-Мулка (1018–1092), приглашавшего лучших мыслителей со всего мусульманского мира. Омар Хайям занял должность управляющего дворцовой обсерваторией, и вместе с другими астрономами разработал новый календарь «Меликшахово летосчисление», который оказался на семь секунд точнее принятого в XVI в. григорианского календаря. За годы службы ученый написал целый ряд трактатов по геометрии, арифметике и философии, составил астрономические таблицы, выполнял функции придворного астролога. Восторженные современники именовали его «Царем философов Запада и Востока», «Доказательством исти-

ны», «Ученейшим мужем века»... Но где же знаменитый на весь мир поэт?

Действительно, «должность» поэта во времена Хайяма подразумевала придворную службу в роли панегириста, или мастера, творившего на заказ. А творческое наследие Хайяма было велением души, актом свободной воли, и предназначалось для узкого круга друзей и учеников. Однако смелость тем и сила образов быстро сделали его творчество известным фольклором, передающимся из уст в уста. Способствовал этому и специфический поэтический жанр, выбранный Хайямом, — рубаи.

Четверостишия-рубаи, в отличие от касыды и газели, пришедших из арабских земель, были исконно персидским жанром песенного народного творчества. Впервые они появились в творчестве Рудаки, впоследствии получили распространение среди религиозно-мистической лирики суфиев, но жанром высокой литературы стали только в творчестве Омара Хайяма, превратившись в цельные философские высказывания-афоризмы. Интересно, что при объединении в сборники четверостишия поэта и правда начинают звучать как песни, тематика которых дополняется от сюжета к сюжету.

Стоит отметить, что авторство рубаи — отдельная сложная тема для исследователей творчества Хайяма. На данный момент ему приписывается около 5 тысяч четверостиший, хотя ни в одной из сохранившихся рукописей не содержится одновременно более нескольких сотен. Многие из них, возможно, являются плодом народного творчества, подражанием последователей, стилизацией под великого учителя — доподлинно мы не узнаем никогда. Однако

есть среди четверостиший те, которые складываются в особенно цельные блоки и проникнуты глубоким противоречивым настроением мрачного цинизма и упоения жизнью.

Творчество Хайяма переливается множеством поэтических интонаций и настроений, но наиболее отчетливо звучит призыв жить моментом и истинная гордость за человека. Его справедливо можно назвать гуманистом, проповедником ценности человеческого счастья и право на радость бытия.

Хайям-философ неоднократно задавался вопросами существования загробной жизни, цели и первоисточника человеческого существования, сравнивая мир с «шахматной доской», а людей — с «пешками». Красивы и одновременно печальны рисуемые им образы круговорота природы — из человеческого праха произрастают цветы, он удобряет почву и дает будущую жизнь. Возможно, склоняясь над цветком, ты гладишь локоны своей бывшей возлюбленной, а «в комочке праха сером, под ногою» наступаешь на останки юного тела. В его стихах звучит тонкий трагизм быстротечности, и, главное, невозвратности краткой человеческой жизни:

Над зеркалом ручья дрожит цветок;
В нем женский прах: знакомый стебелек.
Не мни тюльпанов зелени прибрежной:
И в них — румянец нежный и упрек...

Тем громче звучит призыв поэта радоваться, пока миг длится, жить «сегодняшним днем», наслаждаться любовью, красотой и общением с друзьями, пока из

твоего праха «тюльпаны не начали расти». Наслаждение бесценной жизнью становится в центр проповеди поэта, и самым ярким, наиболее противоречивым образом, который он выбирает для передачи своих мыслей, становится тема вина, которое он называет «другом», «мудрецом» и «алхимиком». Он воспевает состояние опьянения, силу, происходящую от древнего напитка, однако в его стихах нет призыва к разнузданности. Для его лирического героя вино — освобождение и увеселение духа и средство уйти от забот, для самого поэта — тонкая попытка свободомыслия, не скованного строгими религиозными догмами. Сознательное «эпикурейство» Хайяма звучит как вызов общественной морали, но оно всегда про гуманизм и про человека, который сам становится центром своей вселенной.

Вот вечный небосвод. И что мы для него?

Придет пора — из нас не станет никого.

Сядь на траву и пей вино с любимой! —

Придет пора — взойдет трава из праха твоего.

А если загробная жизнь, возможно, и не существует — какой смысл ограничивать себя в земных радостях на этом свете, вопрошает поэт? Ведь у нас есть только миг в этой реальности, и его нужно прожить ярко и радостно. Обещания блаженства в загробной жизни Хайям сравнивает с «кредитом» и осуждает тех, кто верит в «расчет на будущее». Ведь даже если рай реален, то он должен стать пристанищем лишь скучных ханжей:

В ад посылать из-за вина и женщин?

Тогда в раю, наверно, ни души.

Наиболее сложная и спорная тема в творчестве Хайяма, напрямую связанная и с его философскими размышлениями, и с показным эпикурейством, — вопрос веры в Бога и уважения к Его служителям. Некоторые исследователи творчества мыслителя, в том числе В. Жуковский и К. Смирнов, понимали его творчество как поэзию религиозную, суфийскую, построенную на скрытых смыслах. Большинство, однако, сходятся на том, что критический ум ученого был занят неразрешимыми вопросами, и часто его рубаи — явная к этому иллюстрация. В наиболее смелых текстах поэт задает Богу прямые вопросы о смысле и кратковременности человеческой жизни, обвиняя его в божественной жестокости. Наиболее интересный цикл, иносказательно посвященный этой теме, — про гончарство. В нем Хайям представляет Бога гончаром, а сосуд — человеком. В самых жестких текстах Бог представляется полубезумным неудачником-мастером, который сам разбивает свои творения.

Гончар. Кругом в базарный день шумят...

Он топчет глину, целый день подряд.

А та угасшим голосом лепечет:

«Брат, пожалей, опомнись — ты мой брат!..»

Беспощадно строг Хайям и к показным «святошам», называя их «трусами», полными «невольничьих тревог». Их вера, их благолепие, их следование закону

происходят от страха перед наказанием, а не являются свободным выбором человека. Уж лучше искренность несовершенства:

Будь вольнодумцем! Помни наш зарок:
«Святоша — узок, лицемер — жесток».
Звучит упрямо проповедь Хайяма:
«Разбойничай, но сердцем будь широк!»

Крамольные высказывания не прошли для поэта даром — на старости лет он вынужден был совершить паломничество в Мекку, чтобы отвести от себя обвинения. После смерти своего покровителя Низам-ал-Мулка и султана Мелик-шаха он вернулся в родной Нишапур, где и закончил жизнь. Хайям жил замкнуто и «был скуп в сочинении книг и преподавании», как писал о нем младший современник, историк Абу-л-Хасан Али Бейхаки.

Что жизнь? Базар... Там друга не ищи.
Что жизнь? Ушиб... Лекарства не ищи.
Сам не меняйся. Людям улыбайся.
Но у людей улыбок — не ищи.

Всемирная известность пришла к Омару Хайяму в XIX в. благодаря тонкой книжечке «Рубайат Омара Хайяма», опубликованной в 1859 г. Эдвардом Фицджеральдом (1809–1883). Книга выдержала сотни переизданий и положила начало мировому «хайямоведению». Его стихи, короткие, хлесткие, касаются тех тревог и переживаний, которые встречаются на пути каждого человека. Марк Твен говорил, что они «содержат в себе самую значительную и великую мысль, когда-либо выраженную на таком малом пространстве, в столь немногих словах». Будь честен и свободен духом, милосерден к слабым, предан друзьям, нежен с любимой, дыши каждым мигом своей жизни, потому что он может стать последним, и «твой прах землею, кирпичами мгновенно станет». Мир несовершенен, жизнь быстротечна, но человек может прожить ее достойно и радостно, потому что он — «камень драгоценный».

Коротчикова Полина
*с.н.с. отдела Ближнего и Среднего Востока,
Южной и Центральной Азии
Государственного музея Востока*

«Вино, и песни,
и цветы...»

Перевод
Сергея Уманца

* * *

Вино, и песни, и цветы,
И дев, как пери легких, ласки,
И звон задравных ваш, и пляски
На лоне сельской простоты!
Под стоны арфы, вздохи флейты,
Обвеян ароматом роз,
Вина янтарного испей ты,
Корана не страшась угроз!
Что может лучше быть на свете:
Лобзаний жарких уст молодых,
Пирушки бражников лихих
И пьяной песни на рассвете?
Друзья, да здравствует вино!
В вине отрада и забвенье!
Глупцу и умнику равно
Оно дарует наслажденье!

* * *

Но мне ль перед тобой хвалиться?
Смысл жизни мне ли разгадать,
И мне ль премудростью кичиться,
И мне ль советы подавать?!
Зачем живем — не знаем сами,
Мы бродим в мире, как слепцы...
Зачем? Не объяснят словами
Вам никакие мудрецы!

Рубаи

1
11
1

* * *

О мудрый суфий, в добродетель
Ты с головы до ног одет,
Но ведь никто — Аллах свидетель —
Твоей наукой не согрет!

Своей ты мудростью сверкаешь
Перед толпой учеников,
Но что ж ты понял, что ты знаешь
Средь мрака жизненных оков?

Туманных басен нить гнилую
Ты нам с отвагою плетешь,
Но час пробьет — и в ночь глухую
Небытия ты отойдешь...

* * *

Я пить хотел вино,
Алла, —
На радость нам оно,
Алла, —
Но Ты фиал разлил,
Алла, —
К блаженству дверь закрыл,
Алла, —
Ты мне нанес изъян,
Алла, —
И сам не стал ведь пьян,
Алла!..

* * *

Сулят нам гурий в небесах,
Но... если здесь мы их ласкаем,
Все хором нас винят в грехах,
И молча мы главу склоняем...
Но в чем же наш, скажите, грех?
Мы здесь попробовать желаем
Тех самых сладостных утех,
Которых в небе ожидаем.

* * *

Пред вечной волею Аллаха
Твой каждый предначертан шаг!
Ты без нее — и сир, и наг,
Ты без нее — соринка праха!

Как ни борися — сила рока
Тебя туда-сюда влечет;
То вдруг задержит твой полет,
То вдруг подымет вмиг высоко!

Но если так, почто Аллахом
Караем каждый грешный час?
Зачем муллы пугают нас
Мучений ада диким страхом?

* * *

Не сохни, бедный богослов,
Над изучением основ
Мятежных ересей ислама.

Они утехи не дадут!
А с чаркой весело живут
Потомки праотца Адама!

Порог трактира, как метлой,
Своей частенько бородой
Я в опьяненьи подметаю!

На мир смотрю премудро я
Как на мгновенье бытия –
И сладко с чашей засыпаю!

* * *

Когда я буду с мертвецами,
Как пласт, лежать,
Не смейте вздохами, слезами
Себя терзать!
Поставьте лучше надо мною
Вина фиал:
Я оценю и под землею
Его кристалл!
Ко мне в могилу лейте смело,
Друзья, винцо, —
Чтоб поскорее заалело
Мое лицо!
Запойте шумною толпою
Гимн в честь вина,
И я под мраморной плитою
Проснусь от сна!
Ищите при кончине мира
Мой бранный прах
В пыли любимого трактира,
Во всех углах!..

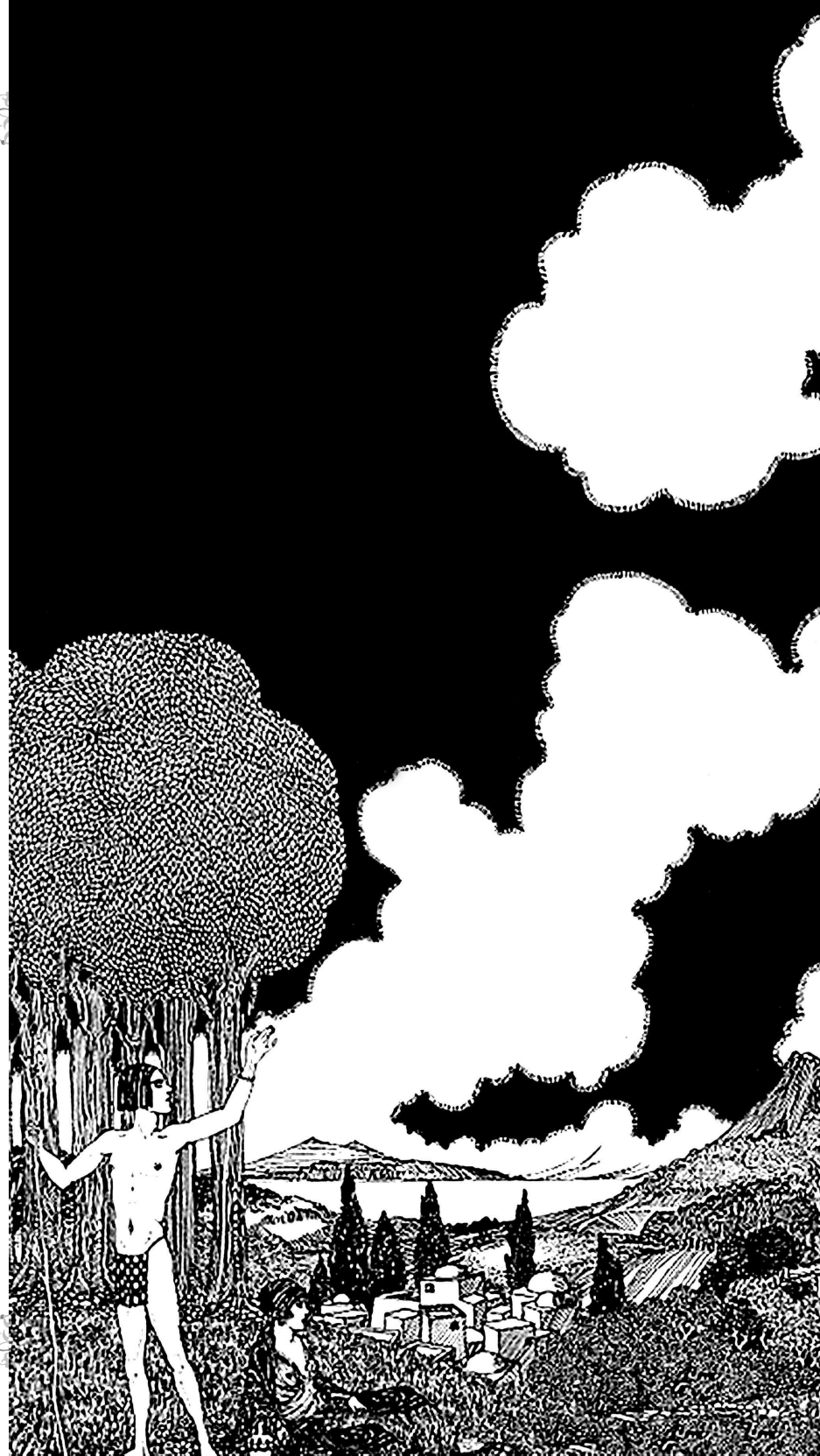
«Я жизнь свою свершу
для всех вас незаметно...»

Перевод
Константина Герра

* * *

Соседу моему наскучил птичий род,
И с воробьями он недавно так слукавил:
Повсюду в свой большой и длинный огород
Вертящихся кругом он чучел понаставил.

Я думал: мудр сосед, но отчего же Бог
От лжи и зла наш мир Сам оградить не мог, —
На хищников таких страх вовсе не наводит
И то, что на земле так много чучел бродит!

* * *

Товарищ, приходи! Оставь свою заботу,
Налей из кувшина янтарное вино!
Приди, развеселит с тобою нас оно,
Отнимет, наконец, оно у нас охоту
Трудиться мыслию над вечною загадкой.

Я на ухо скажу тебе тогда украдкой:
— Пей, больше пей вина, товарищ по несчастью,
Не долог срок, когда смешаемся с землей;
Лишенные забот, житейского участия,
Мы обратимся в прах, товарищ мой, с тобой...

И вылепят из нас кувшины, статуэтки
И разных петушков, собачек, лошадей,
И будут хохотать над ними наши детки,
Ломать их и играть... ну, а пока налей!..

* * *

Сидел я за вином, мечтал и, увлекаясь,
Я думал: «Нирузам¹, ты истинный поэт!
Пускай тебя всю жизнь клянет, хоть надсаждаясь,
Не только злейший враг, но даже целый свет!»

Но голос вдруг сказал: «Напрасно увлечение,
Ты вовсе не готов для истинной борьбы...
Что также ты — поэт, о, в этом нет сомненья,
Но ведь поэты здесь родятся, как грибы!..»

¹ Ироническая анаграмма псевдонима «Мазурин», взятого Геррой.

* * *

Заря встает. Встаю и, покидая ложе,
Гляжу на светлый день, он мне всего дороже!
Пусть струны под рукой привычное звенят
И услаждают слух, и чувства окрыляют,
Жизнь не вернется к тем, в земле что ныне спят,
Могилы их к друзьям опять не возвращают.

О ты, всезнающий, что скрыто в глубине,
На дне души людей, на дне земных могил,
Приди и облегчи, хотя б в последнем дне,
Возможность жизнь любить, как в детстве я любил!..

Дай силы перенести мои переживания
И, отрешив мой ум от суеты земной,
Дай до последних дней, до часа воздыханья,
Беседовать с тобой, а там... приди за мной!..

* * *

Я жизнь свою свершу для всех вас незаметно,
Я промелькну среди вас, как тихий метеор!..
Поэзия моя, хотя и многоцветна,
Не тронет ни ваш ум, ни близорукий взор...

Но протекут года, — другие поколения
Откроют, наконец, забытые листы
И чуткою душой поймут без пояснения,
Чего понять не мог раб мелкой суеты!..